

Художественное воплощение темы детства и воспитания в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина

Полякова Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается художественная реализация педагогических воззрений М. Е. Салтыкова-Щедрина и воплощение детской темы в «Губернских очерках». Прославившийся как сатирик и социальный критик, он всегда уделял большое внимание детскому вопросу, так как полагал, что от его решения напрямую зависит благополучие страны. Творческий метод писателя, определяемый им самим как «исследование», позволил представить образы детей не только как социальные типы, но и как философско-художественные обобщения, усиливающие обличительный пафос его произведений. Мотив «страшно за детей», ставший одним из ведущих в зрелом творчестве Салтыкова-Щедрина, проявляется в «Губернских очерках» в различных аспектах: автор приводит примеры «дурного» воспитания в дворянских, купеческих и крестьянских семьях («Приютное семейство», «Хрептюгин и его семейство», «Елка»), критически описывает образовательно-воспитательную систему в целом («Скука»), фиксирует распад традиционного патриархального уклада жизни, приводящий к духовной деградации («Госпожа Музовкина», «Что такое коммерция?»), прослеживает, как в условиях социальной несправедливости искажаются личности маленьких героев («Порфирий Петрович», «Первый шаг», «Елка»). Анализ произведения, открывшего период творческого расцвета Салтыкова-Щедрина, показывает, как формировалась система его взглядов на проблемы образования и воспитания, как педагогическая концепция воплощалась в художественном тексте, как складывался его индивидуальный писательский стиль, как крепло осознание своей высокой общественной миссии социального критика и просветителя.

Ключевые слова: педагогические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Губернские очерки», детская тема, мотив «страшно за детей», образ «испорченного» ребенка, проблемы семейного воспитания и влияния общества на личность.

М. Е. Салтыков-Щедрин, прославившийся как мастер политической сатиры, в своем художественном и публицистическом творчестве всегда обращался к самым острым проблемам современности, проявляя глубину аналитического мышления, исключительную принципиальность, верность морально-этическим установкам. «Прокурор российской действительности», он вершил, по словам С. А. Макашина, свой «великий художественный суд» [9, с. 4] над общественными пороками и недостатками. Среди многочисленных объектов его художественно-критического осмысления можно выделить проблемы, связанные с взаимоотношениями поколений, воспитанием и положением детей в современном писателю обществе.

Критик Н. К. Михайловский отмечал, что «дети, не только свои, кровно родные, а и чужие, дети вообще занимали во всем мирозерцании Салтыкова исключительно видное место, которое оправдывалось для него и непосредственным чувством отца, и высшими теоретическими соображениями» [10, с. 87].

О философичности художественного метода М. Е. Салтыкова-Щедрина говорит С. А. Никольский, который, вслед за самим писателем, называет его произведения «исследованиями»: «Исследование предполагает работу по несколько иным законам, чем законы художественного произведения: в нем, в частности, цель обнаружения истины ставится выше сюжетно-композиционных или нравственно-эстетических задач» [14, с. 231]. Исходя из этого, ученый, на наш взгляд, очень точно определяет творческий принцип Салтыкова-Щедрина: «он шел от явлений к героям, а не наоборот» [14, с. 232], поэтому персонажей его произведений следует рассматривать не только как социальные типы, но и как философско-художественные обобщения, дающие представления о взглядах сатирика на определенные проблемы. Вследствие этого воплощение детских образов и темы детства в целом в творчестве писателя необходимо соотносить с его педагогическими взглядами и восприятием им детского вопроса.

Е. Ю. Шестакова, рассматривая детство как предмет художественного изображения в русской классической литературе, относит М. Е. Салтыкова-Щедрина к тем писателям второй половины XIX в., которые акцентировали тему страданий и унижений ребенка в современном им обществе. По замечанию исследовательницы, их позиция «укладывается в понятие «преступление против детства», где есть потерпевший (ребенок), обвинитель (автор) и обвиняемый (родители, учителя)» [23, с. 27–30]. Применительно к Салтыкову-Щедрину это утверждение требует уточнения, поскольку сатирик обвинял прежде всего среду, неразумное социальное устройство, которое, по его мнению, порождало проблему не только страдающих, но и морально «испорченных» детей.

Глубокий анализ художественно-философской концепции воспитания и детства, которой придерживался М. Е. Салтыков-Щедрин, представлен в монографии И. Б. Павловой «Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи». Автор исследования подчеркивает, что писатель «придавал раннему периоду в жизни человека важнейшее значение, считая, что первоначальные впечатления оказывают определяющее влияние на натуру, формируют судьбу личности, через родителей ребенок приобщается к социальным отношениям, институтам» [15, с. 129].

Основные положения своей социально-педагогической теории М. Е. Салтыков-Щедрин сформулировал в философско-публицистической статье «Дети», которую из-за цензуры не смог опубликовать в периодических изданиях, а потому включил ее в состав «Пошехонской старины». Он подчеркивает, что относится «тревожно к детскому вопросу, потому что с разрешением его тесно связано благополучие или злополучие страны» [19, с. 91]. Писатель проявляет себя не только как глубокий мыслитель и социальный критик, но и как гуманист, вступая в полемику с представителями традиционной педагогики: «Мне жаль детей не ради каких-нибудь социологических обобщений, а ради их самих» [19, с. 91].

Обладавший высоким гражданским сознанием писатель напрямую связывает детский вопрос с состоянием общества, института семьи, а также уровнем педагогической науки и образования. По его мнению, весьма сомнительным является расхожее утверждение педагогов, что детский возраст – самый счастливый в жизни человека, потому что ребенок находится за пределами борьбы добра и зла, представляя собой идиллическую *tabula rasa*. Напротив, считает сатирик, детство – это наиболее уязвимый возраст, когда маленький человек оказывается незащищенным прежде всего от ненормальной социальной системы, влияние которой не могут избежать даже взрослые люди. Чаще всего дети, плохо подготовленные официальной «разумной педагогией», оказываются беспомощными перед всеразрушающей силой жизни.

Еще одной причиной детского неблагополучия, по мнению М. Е. Салтыкова-Щедрина, является психологический фактор. «Натура ребенка еще лишена определенности, у него не развито волевое начало, только формируется мышление, поэтому он беззащитен, не способен дать отпор попыткам извратить его природу, становится рабом случайности», – обобщает размышления писателя И. Б. Павлова [15, с. 134]. Кроме того, сатирик видит большую опасность в несовершенстве системы педагогических знаний и педагогической практики: по его словам, «не все родители и педагоги опытные и разумные, чтобы угадывать характеры детей, над которыми господствует воспитательная «система», представляющая собой плод временного социального настроения...» [19, с. 96]. «Дети... чужды всякого участия в личном жизнестроительстве, не могут знать, куда их ведут – научат ли противостоять испытаниям или превратят в жертву» [19, с. 98]. В итоге конъюнктурные по сути педагогические программы искажают мировоззренческие установки молодого поколения, поскольку заменяют действительные знания массой бесполезных сведений. Ни общественно-педагогическое, ни семейное воспитание не ориентируют юношество на высокие цели, подчиняя его «суеде настоящего», порождая в молодежи инфантилизм, бездуховность, отсутствие понятий о правде, добре и человечности.

Пафос «страшно за детей» определяет позицию М. Е. Салтыкова-Щедрина, выраженную не только в философско-публицистических трудах, но и в художественных произведениях. И. Б. Павлова в указанной монографии анализирует многие ключевые в раскрытии темы семьи и воспитания тексты писателя в литературном контексте эпохи. Однако из поля зрения исследовательницы выпали «Губернские очерки», которые по праву считаются началом зрелого творчества писателя, так как в этом произведении, занимающем пограничное положение между циклом очерков и общественным романом, проявились характерные для писателя-сатирика особенности, прежде всего – метод художественно-философского исследования, направленный в том числе и на осмысление детского вопроса.

Не акцентировали свое внимание на теме детства и такие критики «Губернских очерков», как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, В. Р. Зотов, а также исследователи А. С. Бушмин, О. Л. Данилова, Е. Ф. Джос, Н. П. Изергина, С. А. Макашин, Д. П. Николаев, Е. Д. Петряев, В. В. Прозоров, А. М. Турков, К. И. Тюнькин [1; 2–4; 6; 7; 9; 12; 13; 16; 17; 21; 22].

В центре внимания автора «Губернских очерков», анализирующего острые социальные проблемы, постоянно находятся дети. Характеризуя крутогорское и, шире, все российское общество, М. Е. Салтыков-Щедрин включает в общую картину быта и нравов образы детей из разных сословий. Важно заметить, что когда речь идет о наследниках состоятельных семей или провинциальной знати, автор мобилизует свой сатирический талант, используя иронию и сарказм. Например, представляя читателям «приятное семейство» Размановских в одноименном очерке, он описывает «целый выводок прелестнейших дочерей и немалое количество остроумнейших птенцов, составляющих красу и утешение целого города», находящихся «под гнетом своей маман», имеющей «горькую необходимость» устроить личную жизнь своих наследников, а потому вынужденной проводить многочисленные приемы, на которых дети «костылят» гостей пением и декламацией [18, с. 117–118]. В этом «театре повседневного поведения» (Ю. М. Лотман) царят фальшь и лицемерие, приглашенные упражняются в сплетнях и примитивных островах, а хозяйка дома из-за ограниченности средств следит за каждым куском мяса, который гости кладут в рот, а каждый лишний их глоток воспринимает как личное оскорбление. Мотив театральности, задействованный сатириком для характеристики представителей «приятного семейства» и крутогорского общества в целом, помогает передать бездуховную атмосферу, которая формирует поведенческую модель юных героев.

В очерке «Хрептюгин и его семейство» М. Е. Салтыков-Щедрин создает колоритный образ крутогорского купца первой гильдии, который из низов «тихим манером идя», смог выбиться в люди: теперь он ездит на «тарантасе чудовищных размеров», пьет чай из серебряных самоваров, а еду ест исключительно деликатную, запивая розовым шампанским. И если свою супругу, по-прежнему предпочитающую квашеную капусту, «обшлифовать» он так и не смог, то его дети олицетворяют новую генерацию. Дочь «представляет из себя тип тонкой и образованной девицы, презирующей и прилюдно одергивающей своих невоспитанных родителей». Чтобы потешить свои амбиции, купец мечтает выдать ее замуж за «хоть бы махонького какого-нибудь генералика». Его сына «сыздетска обуревают разные экономические операции»: он любит смотреть, как считают деньги, и «только и мнит, как бы с отеческого стола стащить» [18, с. 170–171]. Окружающие не сомневаются, что «лютая бестия из него выйдет». Писатель убедительно показывает, что дети Хрептюгина не только наследуют, но и «усугубляют» такие сословно-родовые качества, как тщеславие и хищнические инстинкты.

Образы детей у Салтыкова-Щедрина служат социальной характеристике взрослых героев, при этом он часто противопоставляет бездуховность представителей высших сословий и высокую нравственность простых людей. Так, в разделе «Богомольцы, странники и проезжие» в очерке «Общая картина» автор с явной симпатией создает образ «доброй гражданки» Пелагеи Ивановны, которая раздает медные деньги беднякам, а рядом ее шестилетняя племянница «подражает делу благотворения своей тетки», угощая калачиками всех, кто собрался на богомолье. Герой-повествователь, наблюдающий эту картину, не сомневается, что в будущем эта девочка «будет предобрая» [18, с. 139].

Мысль о том, что семья – первый воспитатель человека, становится лейтмотивом в «Губернских очерках» и находит продолжение в последующих произведениях сатирика, который с болью осознавал, что в условиях бездуховного современного общества семья как один из основополагающих социальных институтов претерпевает значительные изменения: происходит процесс отчуждения родителей и детей, деформация родственных отношений. В очерке «Госпожа Музовкина» Салтыков-Щедрин на примере большого и крепкого семейства проследживает распад традиционного патриархального уклада жизни. Глава рода, хозяин постоянного двора столетний Аким Прохоров, у которого «внуков и правнуков так и не сосчитать», «весь этот люд содержит в ежовых рукавицах». В своих сыновьях он сумел воспитать хозяйственность и порядочность, но все же один из них, Кузьма, «неладный вышел». Развращенный службой у графа, он стал меркантильным и расчетливым и, вопреки семейным традициям, планирует вместе со своим сыном завладеть всем наследством [18, с. 184–186]. О причинах разлада между старым и новым поколением задумываются герои очерка «Что такое коммерция?» и приходят к выводу, что дело не только в воспитании, но и в том, что «старые порядки к концу подходят»: если раньше люди жили в соответствии с традициями патриархальной нравственности, то теперь их стали игнорировать в угоду материальной выгоде.

Размышляя о дисгармоничности современных семейных отношений, Салтыков-Щедрин, продолжая гоголевскую традицию, на примере отдельных, крупно прописанных героев показывает влияние не только семьи, но и общественной среды на формирование личности. В разделе «Мои знакомцы» он целый очерк посвящает одному из самых влиятельных людей Крутогорска Порфирию Петровичу, который уже 20 лет избирается старшиною Благородного собрания. Писатель говорит о герое, что «не вдруг и не без труда далось ему это завидное положение». Сын сельского пономаря-пьяницы и любящей «поразвлекаться» матери, которая при помощи старика-покровителя перевезла семью в уездный город, он с детства познал жизненные невзгоды: «Сиживал-таки Порфирка наш голодом не один день, хаживал больше все на босу ногу, зимой и летом, в одном изодранном тулупчике» [18, с. 90]. Ненормальная семейная обстановка способствовала развитию в герое таких качеств, как презрение к родителям, подлость и лицемерие: «Подрастает Порфирка и все около себя примечает. И в школу ходить начал, способности показал отменные; к старику-благодетелю все ластится, тяткой его называет, а на своего-то отца на пьяного уж и смотреть не хочет. Все думает, как бы ему напакостить» [18, с. 90]. Как гоголевский Чичиков, предприимчивый герой Щедрина ставит перед собой цель выбиться в люди, понимая, что для этого в первую очередь надо разбогатеть. Он мечтает о том, чтобы завести лавочку и продавать в ней пряники школьникам с прибылью для себя. Юный Порфирий стал «поворовывать» у пьяного отца. «Нашел он как-то на дороге гривенник – поднял и схоронил. В другой раз благодетель гривенником пожаловал – тоже схоронил. Полюбились ему деньги; дома только о них и разговору» [18, с. 90–91]. Формированию системы жизненных ценностей героя способствовали не только родители, но и окружение, когда он вышел во взрослую жизнь: «По тринадцатому году отдали Порфирку в земский суд не столько для письма, сколько на побегушках приказным за водкой в ближайший кабак слетать». Тяжело ему приходилось: «кто за волоса оттреплет, кто в спину колотушек надает» [18, с. 91]. Однако со временем с помощью «услужливости и расторопности» Порфирий стал делать карьеру: сначала «втерся в доверие» к исправнику, стал выполнять за него служебные обязанности, однако затем шантажом заставил своего начальника «откупиться» большой суммой денег. Получив нечестным путем первоначальный капитал, он отправился покорять губернский город, где устроился в канцелярию губернатора, а затем вошел в его ближайшее окружение, так как разоблачил неверную губернаторскую жену, хотя сам же способствовал ее роману. В итоге Порфирий Петрович «везде сумел сделаться необходимым», стал уважаемым человеком в городе, несмотря на лицемерие, подлость и казнокрадство: «Однажды пришла ему фантазия за один день всю губернию ограбить», и он смог, всюду съездил и «все карманы наизнанку выворотил» [18, с. 96]. Писатель-сатирик беспощадно клеймит подобных «столпов общества», которые имеют репутацию людей, «казенных денег не расточающих, свои берегущих, чужих не желающих», объясняя их взрослое поведение отсутствием должного воспитания и негативным опытом, полученным в детстве.

Порфирку из «Губернских очерков» можно отнести к одному из инвариантов образа ребенка, которые, по замечанию Е. А. Скоробогатовой, выработала русская литература в XIX в., – ребенок-чудовище. Эта разновидность юного героя, представленная у Салтыкова-Щедрина прежде всего Порфирием Головлёвым и редко встречающаяся у современников сатирика, найдет широкое воплощение в творчестве писателей XX в. [20, с. 52–53].

Вместе с тем судьбу Порфирия Петровича Салтыков-Щедрин считал исключением из правил, не раз вспоминая в тексте произведения народную пословицу о том, что «от свиньи не родятся бобренки, а все поросенки». По его мнению, в большинстве случаев жизненный путь ребенка определяется социальной принадлежностью. Так, в очерке «Первый шаг» сын приказного утверждает, что обречен на то, чтобы повторить судьбу своего отца; он рассказывает, что дети низших чиновников «растут как крапива около забора», хороших примеров видят мало, им «подражать некому», так как все вокруг пьянствуют, берут взятки, ведут бездуховное существование [18, с. 498–499].

Размышляя о проблеме воспитания в дворянских семьях, писатель приходит к выводу об исторической бесперспективности правящего сословия, развращенного как социальными предпочтениями, так и дурным образованием.

В рассказе о помещике Буеракине, своем добром приятеле, герой-повествователь вспоминает годы юности, когда не столько учились, сколько вдохновлялись общими и весьма неопределенными речами о том, что «надо идти вперед и развиваться». В итоге молодой дворянин, смешивая просвещение с *comme il faut*, выходит «как дилетант, гулять по свету». Буера-

кина можно назвать предшественником Обломова: ему не удалась роль «благодетельного и просвещенного» помещика, он «обрюзг и страшно обленился, не выходя по целым дням из халата». Герой Салтыкова-Щедрина проповедует «философию лени». Он утверждает, что его занимают «мировые задачи», однако речи и поступки помещика свидетельствуют о примитивности и ограниченности его жизненных устремлений. Еще один тип развращенного воспитанием дворянина представлен в образе Горехвастова, «видного мужчины», который, по словам автора, «поселяет истому в организме» зрелых дам. В воспитательном заведении, где он провел юность, преимущественно обращали внимание на «приятность манер и чтобы воспитанники могли говорить обо всем». Молодые люди вели жизнь веселую, не обремененную обязанностями, по выходным дням ездили к французенкам, где и «приобрели мало-помалу истинный взгляд на жизнь и ее блага». В дальнейшем Горехвастов, убедившись, что служба – «материя скучная», стал заниматься «проказами» и «авантюрами».

В галерее героев-помещиков выделяется сибаритствующий Лузгин, который настолько привык к праздности, что утратил силы и желание жить, сведя все свои интересы к вину, и остановить его пьянство не могут ни красавица жена, ни дети. В очередной раз задавая вопрос «кто виноват?», автор приходит к выводу, что причина кроется прежде всего в несовершенстве семейного и общественного воспитания, которое не приучает к мысли о том, что «в жизни требуется труд», и она дает не то, чего от нее требуют капризные дети, а только то, что берут у нее с боя люди мужественные и упорные» [18, с. 331].

Анализ «Губернских очерков» убеждает нас в зрелости мысли М. Е. Салтыкова-Щедрина, который за семь лет «вятского плена» сформировался не только как социальный критик, но и как художник-мыслитель, обретая свой стиль, мировоззренческие и эстетические установки, свой угол зрения.

Это можно проследить на примере воплощения детской темы в очерке «Елка» из раздела «Праздники», который Е. В. Душечкина рассматривает в контексте жанровой типологии рождественского рассказа и приходит к выводу о том, что писатель полемически разрабатывает традиционный, как правило, сентиментальный сюжет о бедном ребенке, рассматривающем через окно елку в богатом доме [5, с. 183]. У Салтыкова-Щедрина в роли наблюдателей за рождественским праздником в доме крутогорского негодяя выступает герой-повествователь и незнакомый ему маленький и шустрый мальчуган.

Первоначальное умиление рефлексировующего из-за чувства одиночества и неприкаянности рассказчика сменяется иронией и отрезвлением. Это происходит, во-первых, потому, что он осознает несоответствие духовного смысла праздника тому, что видит в зажиточной гостиной: хозяйский сын набрасывается на «смерда», сына прислуги, полагая, что тот не достоин подарков и угощений, а его богатые родители воспринимают происходящее как «невинные проказы их остроумных деточек». Вторая причина обусловлена осознанием «ранней испорченности» «бедного малютки» – именно так поначалу воспринимает герой-повествователь маленького незнакомца, стоящего рядом с ним у окна, и в благородном порыве приглашает его в гости «на пряники». Однако выясняется, что этот «кузнеца Потапыча сын» сладостям предпочитает рюмку вина и ведет себя в гостях бесцеремонно и самоуверенно. Создавая образ «испорченного» ребенка, Салтыков-Щедрин опровергает мысль об изначальном несовершенстве личности юного героя, лицо которого «очень подвижно и дышит сметкою и дерзостью», а внешность свидетельствует о «чрезвычайной впечатлительности и восприимчивости» [18, с. 275]. Ребенок-простолюдин показан как жертва социальной несправедливости, поскольку лишен нормальных бытовых условий и возможности получать хорошее образование и воспитание.

Рождественский сюжет обретает у Салтыкова-Щедрина характерную для писателя острую социально-критическую направленность, которая роднит очерк «Елка» с очерком «Озорники». В нем нет сентиментального начала, зато усилены ирония и сарказм. Автор использует прием саморазоблачения героя, чиновника-эпикурейца, который «не любит ничего такого, что может расстроить или помешать его пищеварению» [18, с. 295]. В молодости он мечтал «о каких-то патриархальных отношениях, о каких-то детях, которых нужно иногда вразумлять, иногда на коленки ставить» [18, с. 297], однако «при большей зрелости рассудка» отказался от этих целей. Теперь этот «благонамеренный человек» обеспокоен лишь личным комфортом. В своем монологе он как личность, не чуждая «благородным идеям», рассуждает о неуместности и даже вреде образования для простолюдинов, полагая, что если научить народ грамотности и арифметике, то «наплодится целое стадо ябедников», с которым не смо-

гут сладить чиновники [18, с. 299]. Этого безымянного персонажа из «Губернских очерков», выражающего позицию власти по вопросу народного образования, можно считать своеобразным наброском характерного для зрелого творчества сатирика типа героев, которых он называл «господа ташкентцы». «Ташкентец» у Щедрина, поясняет С. Н. Никольский, ссылаясь на замечания самого писателя, это Митрофанушка, «занятый просветительской деятельностью, это просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало, и притом просветитель, свободный от наук, но не смущающийся этим» [14, с. 238–239].

В целом в «Губернских очерках» можно обнаружить эскизы многих типов и характеров, которые Салтыков-Щедрин будет полновесно разрабатывать в лучших своих произведениях, а также наброски пока еще не связанных в общую концепцию мыслей и идей, которые позже составят основу его мировоззренческой позиции. Так, очерк «Скука» из раздела «Драматические сцены и монологи» содержит зачатки будущей зрелой, глубоко осмысленной философско-педагогической концепции писателя. Рефлексирующий герой-повествователь на примере собственной судьбы стремится понять причины тех серьезных перемен, которые с изумительной быстротой совершаются в «порядочном человеке», попавшем в условия захолустной провинциальной жизни. Поначалу «в кичливом самообольщении молодости» он полагал, что «нет той силы, которая может сломить энергию мысли, энергию воли» [18, с. 262]. Однако потребовалось всего пять лет прожить в Крутогорске, чтобы в сердце поселились вялость и равнодушие ко всему: «то, что когда-то казалось безобразным и гнусным, глядит теперь так гладко и пристойно, как будто это в порядке вещей, и так ему и быть должно» [18, с. 260]. Салтыков-Щедрин, исследуя процесс «уничтожения» личности, размышляет о феномене социальной покорности, истоки которой находит в школьном воспитании, когда ребенку внушают, ссылаясь на исторические примеры, что главная добродетель человека и гражданина – покорность. Затем «преблаговоспитанненькое дитя» превращается в «покорного юношу», в глазах которого нет «огня молодости, но зато какая покорность!» [18, с. 263]. Потом он становится «маленьким, чистеньким, усредненненьким чиновником», уверенным в том, что покорность – это «особая, своеобразная добродетель, с помощью которой человек многое выигрывает и ровно ничего не проигрывает» [18, с. 263]. Такие жизненные установки господствуют прежде всего в провинции, которую герой-повествователь называет «миром зловоний и болотных испарений, миром сплетен и жирных кулебяк» [18, с. 265], где сон и водка становятся «истинными друзьями человечества». По этим причинам молодой человек с «глубокими верованиями, горячими убеждениями и страстью к добру», попадая в провинцию, не выдерживает «пытку жизни» и незаметно погружается в «тину мелочей», проникаясь духом праздности и уныния [18, с. 264–265].

Таким образом, уже в «Губернских очерках», отличающихся разнообразием сюжетов и образов, проникнутых пафосом социального критицизма и просветительства, М. Е. Салтыков-Щедрин проявил себя как «воспитатель общественного самосознания нации», как мыслитель, стремящийся показать, что многие социальные проблемы в той или иной степени связаны с вопросами воспитания и положения детей в обществе. Поднимая тему детства, писатель выступил, с одной стороны, как сатирик, обличающий не только порочную систему образования и воспитания, но в целом ложные общественные установки, свидетельствующие, по его мнению, о всеобщей духовной деградации, а с другой стороны, как гуманист, защищающий детей от дурного влияния общества и отстаивающий их права на достойную и социально устроенную жизнь.

Список литературы

1. Бушмин А. С. Художественный мир М. Е. Салтыкова-Щедрина : избр. тр. / отв. ред. Д. С. Лихачев, В. Н. Баскаков. Л. : Наука, 1987. 365 с.
2. Данилова О. Л. Типология раннего творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Стахеева : дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 18 с.
3. Джос Е. Ф. Семейно-родовой мир М. Е. Салтыкова-Щедрина: эстетическая модель, историко-публицистический контекст и литературные перспективы : дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.
4. Добролюбов Н. А. «Губернские очерки» // Собр. соч. : в 9 т. Т. 2.: Статьи и рецензии. Август 1857 – май 1858 / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М., Л. : Гос. изд. художественной литературы. С. 119–146.
5. Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб. : Норинт, 2002. 416 с.

6. Зотов В. Р. «Губернские очерки». Статья первая // «Сын отечества». № 19. СПб., 1857.
7. Изергина Н. П. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке // Писатели в Вятке. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1979. С. 54–78.
8. Лотман Ю. М. Театральный язык и живопись (к проблеме иконической риторики) // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 388–400.
9. Макашин С. А. «Сатиры смелый властелин» // М. Е. Салтыков-Щедрин Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Правда, 1988. С. 3–24.
10. Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута : в 2 т. СПб. : Редакция журнала «Русское богатство», 1900.
11. М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике : сборник статей / сост. Н. В. Яковлев. Л. : Учпедгиз: ленинградское отделение, 1953. 432 с.
12. Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М. : Художественная литература, 1977. 358 с.
13. Николаев Д. П. М. Е. Салтыков-Щедрин. М. : Детская литература, 1985. 222 с.
14. Никольский С. А. Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М. : Прогресс-Традиция, 2012. 624 с.
15. Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи : монография. М. : Наследие, 1999. 152 с.
16. Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. 109 с.
17. Прозоров В. В. Салтыков-Щедрин. М. : Просвещение, 1988. 176 с.
18. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки // М. Е. Салтыков-Щедрин Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Правда, 1988. 541 с.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М. : Комсомольская правда ; Директ-Медиа, 2014. 624 с.
20. Скоробогатова Е. А. Детские образы в русской литературе второй половины XX века (инварианты и варианты) // Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Скоророды. Харьков, 2015. № 2 (55). С. 50–53.
21. Турков А. М. Салтыков-Щедрин. М. : Советская Россия, 1981. 304 с.
22. Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. М. : Молодая гвардия, 1989. 621 с.
23. Шестакова Е. Ю. Концепция детства в русской классической литературе (первая половина XIX века и русское зарубежье начала XX века) // Филологический класс. 2006. № 16. С. 27–30.

Artistic embodiment of the theme of childhood and upbringing in the "Provincial essays" by M. E. Saltykov-Shchedrin

Polyakova Olga Anatolyevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University, Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Abstract. The article examines the artistic realization of the pedagogical views of M. E. Saltykov-Shchedrin and the embodiment of the children's theme in the "Provincial Essays". Famous as a satirist and social critic, he always paid great attention to the children's issue, as he believed that the well-being of the country directly depended on its solution. The writer's creative method, defined by himself as "research", made it possible to present images of children not only as social types, but also as philosophical and artistic generalizations that enhance the accusatory pathos of his works. The motif "scared for children", which became one of the leading ones in the mature work of Saltykov-Shchedrin, is manifested in the "Provincial Essays" in various aspects: the author gives examples of "bad" upbringing in noble, merchant and peasant families ("Pleasant Family", "Khreptyugin and his family", "Christmas Tree"), critically describes the educational system as a whole ("Boredom"), records the disintegration of the traditional patriarchal way of life, leading to spiritual degradation ("Ms. Muzovkina", "What is commerce?"), traces, how the personalities of the little heroes are distorted in conditions of social injustice ("Porfiry Petrovich", "The First Step", "The Christmas Tree"). The analysis of the work that opened the period of Saltykov-Shchedrin's creative heyday shows how his system of views on the problems of education and upbringing was formed, how the pedagogical concept was embodied in a literary text, how his individual writing style developed, how awareness of his high social mission of a social critic and educator grew.

Keywords: pedagogical views of M. E. Saltykov-Shchedrin, "Provincial essays", children's theme, the motif "afraid for children", the image of a "spoiled" child, problems of family education and the influence of society on personality.

References

1. *Bushmin A. S. Hudozhestvennyj mir M. E. Saltykova-Shchedrina : izbr. tr.* [The artistic world of M. E. Saltykov-Shchedrin : selected works] / ed. D. S. Likhachev, V. N. Baskakov. L. Nauka (Science), 1987. 365 p.
2. *Danilova O. L. Tipologiya rannego tvorchestva M. E. Saltykova-Shchedrina i D. I. Staheeva : diss. ... kand. filol. nauk* [Typology of the early work of M. E. Saltykov-Shchedrin and D. I. Stakheev : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Kazan, 2005. 18 p.
3. *Jos E. F. Semejno-rodovoj mir M. E. Saltykova-Shchedrina: esteticheskaya model', istoriko-publicisticheskij kontekst i literaturnye perspektivy : diss. ... kand. filol. nauk* [The family and ancestral world of M. E. Saltykov-Shchedrin: aesthetic model, historical and journalistic context and literary perspectives : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Krasnodar, 2005. 25 p.
4. *Dobrolyubov N. A. "Gubernskie ocherki" ["Provincial essays"] // Sobr. soch. : v 9 t. T. 2.: Stat'i i recenzii – Collected works : in 9 vols. Vol. 2: Articles and reviews. August 1857 – May 1858 / under the gen. ed. of B. I. Bursova and others M., L. State Publishing House of Fiction. Pp. 119–146.*
5. *Dushechkina E. V. Russkaya elka: Istorija, mifologija, literatura* [Russian Christmas tree: History, mythology, literature]. SPb. Norint, 2002. 416 p.
6. *Zotov V. R. "Gubernskie ocherki". Stat'ya pervaya ["Provincial essays". The first article] // "Syn otechestva" – "Son of the Fatherland". No. 19. SPb. 1857.*
7. *Izergina N. P. M. E. Saltykov-Shchedrin v Vyatke* [M. E. Saltykov-Shchedrin in Vyatka] // *Pisateli v Vyatke – Writers in Vyatka*. Kirov. Volgo-Vyatka Publishing House, 1979. Pp. 54–78.
8. *Lotman Yu. M. Teatral'nyj yazyk i zhivopis' (k probleme ikonicheskoj ritoriki)* [Theatrical language and painting (on the problem of iconic rhetoric)] // *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva – Articles on the semiotics of culture and art*. SPb. Academic Project, 2002. Pp. 388–400.
9. *Makashin S. A. "Satiry smelyj vlastelin" ["Satires of the bold ruler"] // M. E. Saltykov-Shchedrin Sobr. soch. : v 10 t. T. 1* [Collected works : in 10 vols. Vol. 1]. M. Pravda (Truth), 1988. Pp. 3–24.
10. *Mihajlovskij N. K. Literaturnye vospominaniya i sovremennaya smuta : v 2 t.* [Literary memoirs and modern turmoil : in 2 vol.] SPb. Editorial office of the magazine "Russian wealth", 1900.
11. *M. E. Saltykov-Shchedrin v russkoj kritike : sbornik statej – M. E. Saltykov-Shchedrin in Russian criticism : collection of articles / comp. N. V. Yakovlev. L. Uchpedgiz: Leningrad branch, 1953. 432 p.*
12. *Nikolaev D. P. Satira Shchedrina i realisticheskij grotesk* [Shchedrin's satire and realistic grotesque]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1977. 358 p.
13. *Nikolaev D. P. M. E. Saltykov-Shchedrin* [M. E. Saltykov-Shchedrin]. M. Children's literature, 1985. 222 p.
14. *Nikol'skij S. A. Russkoe mirovozzrenie. "Novye lyudi" kak ideya i yavlenie: opyt osmysleniya v otechestvennoj filosofii i klassicheskoj literature 40–60-h godov XIX stoletiya* [Russian worldview. "New people" as an idea and phenomenon: the experience of comprehension in Russian philosophy and classical literature of the 40–60s of the XIX century]. M. Progress-Tradition, 2012. 624 p.
15. *Pavlova I. B. Tema sem'i i roda u Saltykova-Shchedrina v literaturnom kontekste epohi : monografiya* [The theme of family and family in Saltykov-Shchedrin in the literary context of the epoch : monograph]. M. Heritage, 1999. 152 p.
16. *Petryaev E. D. M. E. Saltykov-Shchedrin v Vyatke* [M. E. Saltykov-Shchedrin in Vyatka]. Kirov. Volgo-Vyatka Publishing House, 1975. 109 p.
17. *Prozorov V. V. Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1988. 176 p.
18. *Saltykov-Shchedrin M. E. Gubernskie ocherki* [Provincial essays] // *M. E. Saltykov-Shchedrin Sobr. soch. : v 10 t. T. 1* [Collected works : in 10 vols. Vol. 1]. M. Pravda (Truth), 1988. 541 p.
19. *Saltykov-Shchedrin M. E. Poshekhonskaya starina* [Poshekhon antiquity]. M. Komsomolskaya pravda: Direct Media (Komsomolskaya truth: Direct Media), 2014. 624 p.
20. *Skorobogatova E. A. Detskie obrazy v russkoj literature vtoroj poloviny XX veka (invarianty i varianty)* [Children's images in Russian literature of the second half of the twentieth century (invariants and variants)] // *Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. G. S. Skovorody – Herald of Kharkiv National Pedagogical University n. a. G. S. Skovoroda*. Kharkiv, 2015. No. 2 (55). Pp. 50–53.
21. *Turkov A. M. Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. M. Soviet Russia, 1981. 304 p.
22. *Tyun'kin K. I. Saltykov-Shchedrin* [Saltykov-Shchedrin]. M. Molodaya gvardiya (Young Guard), 1989. 621 p.
23. *Shestakova E. Yu. Konceptiya detstva v russkoj klassicheskoj literature (pervaya polovina XIX veka i russkoe zarubezh'e nachala XX veka)* [The concept of childhood in Russian classical literature (the first half of the XIX century and the Russian diaspora of the early twentieth century)] // *Filologicheskij klass – Philological class*. 2006. No. 16. Pp. 27–30.